

Город Мобэй находился в отдалённой местности. Хотя Хуа Лань, князь Мобэя, был возведён в ранг князя, несмотря на отсутствие родственных связей с императорской семьёй, он отличался скромностью и не любил выставлять свои заслуги напоказ. Поэтому, даже когда император поручил князю И поздравить его с днём рождения, Хуа Лань не собирался устраивать пышный праздник, ограничившись приглашением чиновников из управления Мобэя и нескольких своих военачальников.

Гу Цзюньсюань, будучи давним другом Хуа Ланя и специально прибывшим поздравить его, также оказался в числе приглашённых.

С наступлением сумерек Гу Шаобай, следуя за Гу Цзюньсюанем и Гу Цинбаем, вошёл в украшенный фонарями вход княжеского дворца.

На нём был утеплённый светло-голубой шёлковый халат, поверх которого он надел длинный халат того же цвета с застёжкой спереди. Воротник и манжеты были украшены узором из светло-жёлтых листьев бамбука.

Весь его облик выглядел изысканным, утончённым и привлекательным.

Едва переступив порог, Гу Цзюньсюань встретил управляющего княжеским дворцом и, оставив братьев, начал беседовать с ним.

Гу Цинбай и Гу Шаобай, следуя за слугой, медленно продвигались вглубь, ожидая отца.

Только что они прошли каменный мост над озером, как услышали, как кто-то на галерее громко кричит:

— Брат Цинбай!

Молодая девушка в ярко-красном одеянии, сделав три шага за два, подбежала к ним и, не обращая внимания на окружающих, схватила Гу Цинбая за руку. Её смех раздался раньше, чем она сама подошла:

— Брат Цинбай, ты наконец пришёл! Я ждала тебя уже целую вечность...

Гу Цинбай неестественно улыбнулся, его лицо слегка покраснело, и он тихо произнёс:

— Княжна, здравствуйте!

Гу Шаобай посмотрел на покрасневшее лицо старшего брата, затем на сияющие глаза княжны, и сразу понял, что происходит.

Он тут же сложил руки в приветствии и с улыбкой сказал:

— Это, должно быть, княжна Иньянь? Гу Шаобай приветствует вас!

Гу Цинбай наконец пришёл в себя и мягко высвободил руку:

— Княжна, это мой младший брат, Гу Шаобай.

Княжна Иньянь с улыбкой обошла Гу Шаобая два раза:

— Так это тот самый мастер «цинь и живописи», известный как «Тинфань»? Выглядит довольно привлекательно, но всё же уступает вашему старшему брату!

Гу Цинбай часто приезжал в Мобэй с товарами, поэтому был знаком с княжной Иньянь. А Гу Шаобай никогда раньше не бывал в Мобэе, и эта встреча с княжной была для него первой.

Гу Шаобай спокойно позволил ей рассмотреть себя. На ней была ярко-красная облегающая одежда с узкими рукавами, поверх которой накинута красная плащ. Вся она казалась облаком алого цвета, мягко опустившимся на землю. Её губы слегка изогнулись в улыбке, черты лица были изящными, и хотя она не была невероятно красивой, её уверенность и непринуждённость в движениях были поистине редкими.

Княжна Иньянь, живя на севере вместе с князем Мобэя, привыкла к военному быту, где все вокруг были солдатами и офицерами. Она привыкла к обильной еде, крепкому вину, скачкам по степям и охоте с соколами. К тому же, князь Мобэя, имея только одну дочь, ни в чём её не ограничивал, что воспитало в ней своенравный и свободный характер. Полгода, проведённые в Цзинлине, едва не свели её с ума от строгих придворных правил.

Гу Шаобай сдержал смешок и невольно проникся симпатией к этой прямолинейной княжне:

— Княжна совершенно права. Некоторые люди оказываются лучше в реальности, чем в слухах, как, например, мой старший брат. А некоторые — хуже, как я. Брат с пятнадцати лет помогает отцу в делах, он умен и образован, чего я, конечно, не могу сравнить. Моя слава — это всего лишь слухи, а брат — настоящий мастер... Хотя, пожалуй, есть две вещи, в которых я превосхожу старшего брата...

Княжна с любопытством посмотрела на него:

— О? Какие же?

Гу Шаобай медленно ответил:

— Еда и... сон!

Смех княжны Иньянь, подобный звону серебряных колокольчиков, разнёсся далеко. Её щёки порозовели, как цветы персика, и она, не скрывая своих чувств, с нежностью посмотрела на Гу Цинбая:

— Брат Цинбай, я думаю, что ты во всём лучше других!

Лицо Гу Цинбая покраснело ещё сильнее, будто готовое вот-вот истечь кровью. Он, смущённо проговорил:

— Княжна, вы слишком добры ко мне!

Служанка, стоявшая рядом, начала торопить княжну переодеться, и та, мило улыбнувшись, повернулась и ушла. Проходя мимо Гу Шаобая, она не забыла добавить:

— На самом деле, ты тоже неплох, не стоит себя недооценивать.

Гу Шаобай с улыбкой проводил взглядом удаляющуюся алую фигуру, затем повернулся к Гу Цинбаю и многозначительно покачал головой:

— Брат, что же делать? Рядом с тобой хочется провалиться сквозь землю...

Гу Цинбай вздохнул с досадой:

— Шаобай, не издевайся надо мной...

— Брат, княжна тебе нравится. Почему ты выглядишь таким несчастным?

— Между мной и княжной пропасть... Это невозможно... — Гу Цинбай отвернулся, глядя в густую тьму.

— Брат, ты любишь княжну?

Гу Цинбай не ответил, но в его глазах читалась глубокая печаль, словно густая тушь. Гу Шаобай хорошо это понимал. Его старший брат всегда был сдержанным и молчаливым, и его молчание было ответом.

Праздник в честь дня рождения князя Мобэя проходил в главном зале. В центре восседали князь И, Му Цинфэн, и князь Мобэя, Хуа Лань. По бокам сидели чиновники из управления, местная знать и молодые таланты, удостоенные наград. Остальные гости, включая военачальников князя Мобэя, были размещены в цветочном зале.

Гу Шаобай остался доволен таким расположением. Он сидел в углу с Гу Цинбаем, спокойно обедая. Время от времени к ним подходили знакомые и незнакомые люди, чтобы предложить тост, и они с улыбкой принимали их, обмениваясь кубками.

Вскоре наследник князя Мобэя и княжна подошли, чтобы от имени отца предложить тост. После этого наследник сразу вернулся в главный зал, а княжна осталась. Гу Шаобай, понимая ситуацию, быстро уступил своё место Иньянь и незаметно вышел.

Он прошёл по дорожке из гальки и оказался перед небольшим искусственным озером. В центре озера находился павильон, соединённый с берегом извилистым деревянным мостом.

Он ступил на мост и, пройдя несколько поворотов, понял, что мост был построен специально, чтобы запутать путников. Небольшой отрезок пути был сделан извилистым, и, будучи слегка подвыпившим, Гу Шаобай, пройдя несколько поворотов и ощутив на себе прохладный вечерний ветер, почувствовал лёгкое головокружение.

Ступив на павильон, он опустился на скамью под навесом и глубоко вдохнул холодный воздух. Пронизывающий холод мгновенно отрезвил его разгорячённую голову.

Над головой сияла полная луна, рассыпая тысячи серебряных лучей на поверхность озера, отчего вода сверкала, как драгоценный камень.

Шепот осенних насекомых и шелест ветра в кронах деревьев создавали естественный фон. Гу Шаобай, слегка опьянённый, смотрел на звёзды и тихо прочитал:

— Неровные ледяные ворота, озарённые утренним светом, мир, где ночь ещё глубока.

Закончив, он тихо рассмеялся, и его смех растворился в ветре. Он слегка закрыл глаза, а когда открыл их, то увидел, что тень закрыла лунный свет. Человек стоял против луны, и его лицо было скрыто в темноте, но силуэт показался знакомым.

Гу Шаобай моргнул, его глаза, полные звёзд, слегка затуманились от вина. Он смущённо спросил:

— Кто вы?

Человек усмехнулся, и в его голосе прозвучала лёгкая теплота:

— Этот пьянящий вечерний пейзаж, почему же ты видишь его таким мрачным? Неужели в твоей груди скрывается печаль, которая не может быть унесена ветром... Хм?

Не закончив фразу, он внезапно прижался своими тонкими губами, пропитанными ароматом вина, к губам Гу Шаобая. Сила поцелуя была такова, что казалось, он вот-вот пригвоздит его голову к скамье.

Гу Шаобай, чей разум был слегка затуманен вином, медленно осознал, кто перед ним. Прежде чем он успел что-либо сделать, поцелуй лишил его всех чувств.

Ощущение удушья накрыло его с головой, и в этот момент он почти протрезвел. Он попытался сесть, но забыл, что это не кровать, а узкая скамья, и в результате перевернулся на пол. Хотя ему удалось освободиться от этих властных губ, он упал лицом вниз, и его щека задела край скамьи, с которой облупилась краска, оставив болезненное ощущение жжения.

Он с трудом поднялся, держась за скамью, и при ярком свете луны увидел лицо Му Цинфэна, которое могло вызвать зависть даже у богов.

Му Цинфэн, облокотившись на колонну павильона, спокойно смотрел на него, с лёгкой усмешкой на губах, протяжно произнёс:

— Господин Гу Шаобай...

Гу Шаобай быстро собрался с мыслями. По идее, он должен был продолжать считать его Чжоу Фэном, поэтому он сразу изменил выражение лица, широко раскрыв глаза и рот:

— Брат Чжоу, как вы оказались здесь?

Му Цинфэн кивнул, мысленно отметив, что актёрская игра неплоха.

Но он не хотел играть по правилам, ему хотелось увидеть, как Гу Шаобай будет чувствовать себя неловко. Поэтому он прямо и резко ударил по сути:

— Возможно, господин Гу ещё не знает, но я — Му Цинфэн, а не Чжоу Фэн!

Действительно, под усмешкой Му Цинфэна Гу Шаобай не смог закрыть рот, который он только что широко раскрыл. Он с досадой подумал, что, возможно, нужно было открыть его ещё шире, чтобы показать удивление. Но это было уже пределом, дальше могло случиться вывих челюсти.

<http://bllate.org/book/16730/1538771>